

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Поправка доктора Осокина

Уральские рассказы

Дмитрий Мамин-Сибиряк
Поправка доктора Осокина

«Public Domain»

1885

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Поправка доктора Осокина / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1885 — (Уральские рассказы)

«Доктор Осокин долго мешал ложечкой чай в своем стакане и потом проговорил довольно грубым тоном:— Знаешь, что я скажу тебе, Матрена? Ты ужасноходишь на трихину...— Как на трихину? — обиженно удивилась Матрена Ивановна, вскакивая с дивана. — Ты, Семен Павлыч, кажется, совсем сбесился..; Я очень хорошо знаю, что такое трихина: этакий беленький червячок, который живет в ветчине. Только трихина тонкая, а я, кажется, слава богу...»

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Поправка доктора Осокина

I

Доктор Осокин долго мешал ложечкой чай в своем стакане и потом проговорил довольно грубым тоном:

– Знаешь, что я скажу тебе, Матрена? Ты ужасноходишь на трихину...

– Как на трихину? – обиженно удивилась Матрена Ивановна, вскакивая с дивана. – Ты, Семен Павлыч, кажется, совсем сбесился...; Я очень хорошо знаю, что такое трихина: этакий беленький червячок, который живет в ветчине. Только трихина тонкая, а я, кажется, слава богу...

В подтверждение своих слов Матрена Ивановна не без грации повернулась под самым носом доктора всею своею круглою фигуркой и даже показала ему свои белые, пухлые, маленькие ручки, которыми немало гордилась, хотя в качестве акушерки должна была бы иметь руки вроде клещей. Дряблое и пухлое лицо Матрены Ивановны тоже было совсем круглое, и на нем пыливо, с каким-то детским любопытством светились два крошечных голубых глаза, точно вставки из выцветшей бирюзы.

– Конечно, трихина, – настаивал доктор, ероша свои коротко остриженные седые волосы. – Что такое трихина? Трихина есть злокачественный паразит, который губит животных одним существованием в них, а ты заражаешь людей ядом своего неизлечимого пустословия. Утешением для тебя, Матрена, в этом случае может служить то, что против трихины медицина не знает никаких средств лечения, следовательно, они могут существовать совершенно безнаказанно...

– Ну, пошел городить... А еще все считают умным человеком!.. Тьфу!.. Умный человек!..

– Конечно, умный, а то как же?

– Ну, уж извини, голубчик, а по-моему, у тебя, Семен Павлыч, не ум, а умишко, да и того еле-еле хватает, чтобы отвесить дерзость... Старый петух, и больше ничего!

Доктор Осокин слушал с завидным спокойствием, как Матрена Ивановна ругалась с ним, и, по-видимому, был даже очень доволен, посасывая длинную трубку и на время совсем исчезая в облаках белого дыма. Ему всегда доставляло удовольствие дразнить Матрену Ивановну, которая иногда ругалась с ним до слез. В таких случаях Матрена Ивановна ненавидела до глубины души самую фигуру доктора – его широкие плечи, сильные, волосатые руки, эту большую стариковскую голову, красивую какою-то старческою красотой, наконец самодовольное выражение докторской рожи. В пылу негодования она иногда ругала его дураком или подлецом, а доктор продолжал оставаться невозмутимым и только изредка позволял себе улыбнуться, именно позволял, потому что, как Матрена Ивановна была убеждена, манера держать себя у доктора была вся деланная и вымученная, своего рода кокетство поддельно-умного человека.

– Умный человек! – не унималась расходившаяся Матрена Ивановна, размахивая своими коротенькими ручками. – Это все наши пропадинские дамы придумали: «умный, умный!..» Жену судьи Берестечкина в одном белье принял. Как же, помилуйте, приезжает к нему дама за советом, а он и выкатил даже без халата... Хорош, нечего сказать!

Доктор и теперь сидел по-домашнему: в халате, в туфлях на босу ногу и с расстегнутым воротом ночной рубашки; это был его обычный домашний костюм. Но Матрена Ивановна не обращала внимания на некоторую свободу докторских одежд и всегда говорила своим бесчисленным знакомым: «Э, батенька, я и не такие виды выдывала!»

– Полагаю, что я могу у себя дома жить, как это мне нравится, – отцеживал доктор, – и не желаю себя стеснять... Удивляюсь только, зачем ко мне шлятся некоторые люди, которым я советовал бы лучше сидеть дома и читать псалтырь.

– Как это остроумно, Семен Павлыч... просто великолепно!.. Остроумие военного писарька перед горничной...

Описываемая нами сцена происходила в большой и высокой комнате, которая доктору Осокину служила приемной, гостиной и всем, чем хотите. Она была совсем пустая, за исключением деревянного дивана, ломберного стола и нескольких стульев. Давно не беленные стены были покрыты полосами паутины, на полу везде лежали узоры от грязных собачьих лап, захватанные двери имели самый жалкий вид, как в какой-нибудь казарме. Теперь на столе красовался давно не чищенный самовар с зелеными потеками и самая сборная посуда, так что

Матрена Ивановна только морщилась и пожимала своими круглыми плечами, разливая чай.

– Меня просто в восторг приводит твоя глупость, Матрена, – говорил доктор, допивая стакан. – Необыкновенно редкий экземпляр, хотя вообще все женщины не отличаются особенным умом... Какое-то вечное полудетское существование, а потом детская старость. Взять хоть тебя, Матрена, ведь безобразна ты, как сморчок, а ведь туда же, еще кокетничаешь... Ну, скажи на милость, не глупо все это?

– Это уж не тебе понимать, Семен Павлыч... да. Конечно, я теперь старуха, а тоже было время, когда ваш брат, мужчанишки, бегали за мной, ручки у Матрены Ивановны целовали.

– Отчего же ты замуж не выходила за одного из этих бегавших за тобой дураков? Ведь в этом все назначение женщины...

– Замуж?.. Я замуж?.. Никогда! На других-то смотреть тошно, довольно я нагляделась, как бабы мучаются из-за вашего-то брата... Я девушка, да-с!

– Старая девка?

– Пусть.

– Христова невеста?

– Пусть.

По обыкновению, они рассорились. Матрена Ивановна заявила, что ее нога больше никогда не будет в докторской квартире и что она знает себе цену. Скажите, пожалуйста, какая знаменитость: доктор Осокин... ха-ха! Всякий кулик на своем болоте велик. Оказалось, что Матрена Ивановна была знакома с настоящими столичными медицинскими знаменитостями, которые берут по сто-рублей за визит. Да-с, а то какой-то доктор Осокин, который корчит из себя великого человека... Нет, это положительно смешно, и если бы Матрена Ивановна умела писать, она так бы расписала этого докторишку, что не поздоровилось бы.

– Да одно то сказать: старый холостяк... тьфу! – ораторствовала Матрена Ивановна, несколько раз порываясь выйги из комнаты. – Я еще понимаю, если женщина не выходит замуж, а мужчина...

– Что же в этом позорного?

– Очень просто: значит, ты человек без сердца или потерял всякую способность быть настоящим мужчиной.

Доктор провел по своей седой щетине рукой и задумчиво улыбнулся.

– Когда я служил в Саратове военным врачом, – заговорил он, раскуривая потухшую трубку, – когда я служил в Саратове, все дамы находили, что я имею сердце, и даже очень горячее.

– Нашел чем похвалиться... Саратовские дамы!.. Знаю я их; они по всей Волге только тем и славятся, что умеют отлично ловить блох.

Эта выходка Матрены Ивановны рассмешила доктора, хотя в следующую за смехом минуту он и раскаялся за свою слабость: Матрена Ивановна села на стул и даже развязала

ленту своей шляпки с желтыми цветами, что в переводе означало желание просидеть еще час у доктора.

– Нет, мы рассудим все дело начистоту, Семен Павлыч, – говорила она, наливая себе чашку холодного чая. – Если бы я была царем, я всех бы этих подлецов-холостяков женила первым делом... да. Уж я это Отлично понимаю все, пожалуйста, не спорь!.. Что такое девица, по-твоему, Семен Павлыч, а?

– Очень мудреный и глупый вопрос.

– Девица – несчастный человек, вот что нужно сказать. Первое, она должна быть молода и красива, а девичья красота продолжается как раз от шестнадцати до двадцати четырех лет, а тут уж собачья девичья старость начинается. Так? Ваш-то брат, мужчинешки, даже очень хорошо это понимают. Ну, значит, у девицы восемь красивых годков, и должна она себя в это время пристроить, а ежели совестливая-то да деликатная девица, так это даже весьма трудно по нынешнему времени. И в самом-то деле, девица серьезный разговор с молодым человеком начинает, а кругом шу-шу: жениха барышня ловит... Ну совестливая-то девица и плюнет. Тоже ведь и гордость своя есть... Да и много ли у нас женихов-то, ежели вот наше захолустье взять, тот же город Пропадинск? Глядишь, девка и завяла, а жить бы ей, жить надо, да еще как жить-то. Глаз у вас, у подлецов, нет... Халда которая, та скорее выскочит замуж, или вдова какая, потому что они свободное обращение имеют с мужским полом. Правду говорю, Семен Павлыч, истинную правду. Вы вот все науки произошли, а только, что под носом у вас делается, этого вот не видите. Много хороших девиц этим манером из-за своей совести пропадает, а другая терпит-терпит, да за первого прохвоста и махнет...

– Я-то при чем же тут?

– Ты? А вот ты первый во всем виноват, кругом виноват... К этому и речь веду, голубчик Семен Павлыч. Вы ведь ученые, с вас и первый спрос. До седого волоса учитеесь. А какое ваше мужское положение? Как ветер, гуляй из стороны в сторону, и никакого тебе запрету нет. Ты еще вот в гимназии учился, а уж всю женскую часть произошел: и барынька податливая попалась, и смазливая горничная, и так сбегает вечерком в хорошее место. Всего насмотришься и вот досюда (Матрена Ивановна указала на свою короткую шею) доволен... Знаю я, как вы по столицам-то высшее образование получаете: другой приедет домой-то в чем душа. Ну выучился, поступил на службу и пошел разбирать: та девушка нехороша, эта хороша, да приданого нет, третья и с приданным и с красотой, так образования не имеет или не может свободно ученые ваши разговоры разговаривать. Можно разбирать-то из-за готовых харчей: тут около дамочек свое удовольствие получишь, там экономку какую-нибудь развертнуть возмешь, к арфисткам съездишь песенку послушать. Хорошие-то девушки вянут да вянут у себя по теремам, а ты свинья свиньей живешь, да еще порядочным человеком себя считаешь. «Я, говорит, смотрю на жизнь философски. Конечно, семейная жизнь с гигиенической стороны имеет за себя большое преимущество, но пойдут хлопоты, дразги, недостатки, – тут уже не до науки». Это в тебе твое свинство говорит, Семен Павлыч, а не наука. Ну, таким манером и ты достукаешься к пятидесяти годам до своей собачьей старости.

– Этаким у тебя язык, Матрена... Ну и буду старым холостяком, никому до этого дела нет. Твоей совестливой девице даже лучше, что я ее обманывать не буду.

– Ах, какой ты глупый человек, Семен Павлыч!.. А деточкито, ангелочки-то? Что у тебя? Кабак, псарня какая-то (Матрена Ивановна торжествующе обвела комнату глазами)... Пустота, грязь, мерзость. Вон там у тебя кабинет, там спальня, а в той комнате... что у тебя в той-то вон комнате, налево, позабыла я?

– Там собаки живут.

– Да, да... собаки! Тьфу ты, окаянная душа... А комнаткато какая...

Матрена Ивановна отправилась в комнату налево, отворила дверь и долго стояла на пороге, покачивая своею головой. Эта комната выходила двумя окнами прямо в сад и была совсем пустая, только на полу на соломе спала глухая сука Джойка.

– Ох-хо-хо, хорошенькая комнатка! – вздыхала Матрена Ивановна. – Вот тут бы у тебя и жила старшая твоя дочь. К стенке бы кроватьку поставить, в углу этажерочку, тут комодик, письменный столик, – отличная бы комнатка вышла. Пошел бы вот эдак на службу куда, а сам бы и прислушался, что, мол, моя Саша делает теперь? Глядишь, и забота была бы, не до свинства тогда. То Саше ботинки новые нужно, то Саша нездорова, то Саше книжку умненькую надо прочесть, да объяснить, да показать, да научить... А Саша бы, глядишь, к отцу бы приласкалась, свеженькая да чистенькая такая, как первая весенняя травка. Так я говорю?

Доктор давно не слушал свою собеседницу и сидел, опустив голову. Трубка потухла, чай давно стоял холодный, в комнате было уже темно.

– Штой-то это как я заболталась с тобой, – спохватилась Матрена Ивановна, горошком вскакивая со стула. – Ночь на дворе, а я к холостому мужчине забралась. Прощай, Семен Павлыч.

– Прощай, трихина.

– Петух старый!

Оставшись один, доктор долго сидел в темноте. Он все хотел раскурить трубку, но как-то забывал каждый раз и опять задумывался. На улице уже горели фонари; где-то громыхали по избитой мостовой дребезжащие дрожки. В комнату вошла любимая собака доктора, ирландский сеттер Нахал; он ткнул хозяина холодным носом в руку, повилял пушистым хвостом и, не дождавшись обычной ласки, отправился в комнату больной Джойки.

– Ах, да, комната старшей дочери, – вспомнил доктор, прислушиваясь к шагам собаки, и горько улыбнулся.

Вечером доктор долго не ложился спать и со ввечкой в руках несколько раз обошел всю свою квартиру, из комнаты в комнату, и внимательно рассматривал свой холостой беспорядок, точно он видел все это в первый раз. Доктору сделалось вдруг как-то жутко: из каждого угла на него смотрело его одиночество и то холостое свинство, о котором говорила Матрена Ивановна. Единственная комната в доме, пахнувшая жильем, был докторский кабинет, – шкафы с книгами, медицинские инструменты, разные препараты, письменный стол, заваленный книгами, бумагами и покрытый пылью и табачным сором. Спальня была совсем пустая комната с кроватью посредине. Доктор спал, вместо матраца, на мешке с сеном, которое менялось каждый день. В комнате Джойки доктор пробыл особенно долго. Это был великолепный кофейный пойнтер с глазами цвета горчицы; у Джойки был маразм, единственное лекарство от которого – смерть. Умная собака, кажется, сама понимала свое положение и как-то виновато смотрела на хозяина своими слезившимися глазами.

.– Плохо, Джойка, – проговорил доктор, щупая сухой нос собаки.

Джойка сделала усилие, уперлась задними ногами в солому, вытянулась и проползла несколько шагов, но больше не могла и только печально вильнула хвостом. Нахал, со свойственным своему юношескому возрасту эгоизмом, не желал понимать происходившей сцены и все лез к доктору, тыкаясь к нему в колена своею рыжею шелковой головой.

– Экая дура эта Матрена, – вслух проговорил доктор, лаская Нахала. – Единственный верный друг у человека – это собака. Так, Джойка?

II

Уездный город Пропадинск совсем не был таким захолустьем, как отзывалась о нем Матрена Ивановна; напротив, это был очень чистенький и бойкий городок с двадцатитысячным населением, развитою промышленностью и тем особенным бойким складом жизни, каким отличаются все сибирские города. Правильные, широкие улицы, обстроенные каменными и деревянными домами, вытянулись параллельно течению маленькой горной речонки Пропадинки. Издали вид на город был очень красив: чем-то свежим и оригинальным веяло от этой пестрой кучи домов, садов, церквей, общественных зданий, дач и заимок. Трудно было даже разобрать, где кончался собственно город, потому что заимки и дачи уже входили в черту города, а затем почти в центре зеленою шапкой высилась небольшая лесистая горка, служившая местом для общественного гулянья. Из общей массы строений выделялись, как громадные заплаты, четыре городских площади и целый ряд громадных каменных домов казарменной архитектуры времен Александра благословенного¹; это были палаты разных заводчиков и золотопромышленников. Половина этих дворцов стояла пустая и медленно разрушалась, потому что владельцы или разорились, или вымерли, или проживали где-нибудь в столицах и за границей.

Самое блестящее время существования Пропадинска были сороковые годы, когда здесь бойко развернулись золотопромышленники, заводчики и горные инженеры. Особенно прославились фамилии золотопромышленников Гуськовых и Ефимовых, прогремевших на всю Россию, за ними выдвинулись купцы Светляковы, откупщик Хлыздин, винокуренные заводчики БарчГржеляховские и т. д. Пропадинск зажил бойко и размашисто, как умеют жить только в Сибири, а затем как-то вдруг золото «отошло» в другие места, и жизнь вошла в свою обычную колею. Вместо диких миллионов выступили на сцену туго сколоченные капиталы, промышленники и предприниматели нового пошиба.

– Ничего, светленько-таки пожили... всячины бывало! – любила вспоминать Матрена Ивановна, еще помнившая самый развал пропадинского благополучия. – Гуськов-то, Михайло Платоныч, очень даже умел себя показать: протер глазки-то своим миллионом, немного от них осталось наследникам-то... Свой театр имел, как же, полный оркестр музыкантов и даже хотел настоящий цирк из Италии выписать, да умер скоро. Когда выдавали Евлампию-то Михайловну, вторую дочь от первой жены, так один фейерверк стоил пять тысяч, а сколько было посуды перебито на свадьбе, сколько платья испластано на гостях – и не сосчитать.

– Зачем же платья на свадьбе рвали, Матрена Ивановна?

– А от радости, ангел мой, от радости. Это уж такое дикое купеческое обыкновение: ежели все благополучно с невестой, сейчас все в клочья. Была я на свадьбе-то, так и меня чуть было не ободрали до ниточки. До настоящего сраму дело доходило: подбежит сам-то Михайло Платоныч к какой даме и сейчас за ворот да до самого подола все платье на ней и разорвет, а сам плачет от радости...

У Матрены Ивановны был свой домишко, стоявший на Соборной улице, рядом с запустевшими хоромами разорившихся богачей Ефимовых; он выходил на улицу всего тремя небольшими окошечками и выкрашенным в серую краску деревянным подъездом, над которым красовалась большая синяя вывеска: «Экзаменованная повивальная бабка (Sage-femme²) М. И. Пупышкина». Домишко был старый, держался, кажется, только на своей деревянной обшивке, но Матрена Ивановна не желала ни починивать его, ни строить новый, потому что «на мой-то век и этого хватит, а с собой не' возьмешь». Собственное помещение Матрены Ивановны

¹ ...времен Александра благословенного – относящийся ко времени царствования (1801–1825) Александра I.

² Акушерка (франц.).

заклучалось в трех крошечных комнатах, набитых ло самого потолка разною старинною мебелью, точно это была лавка со старыми вещами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.